

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

1959 • 50 • 2009

Европейский Суд по правам человека

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО ФОН ГАННОВЕР ПРОТИВ ГЕРМАНИИ

(Заявление no. 59320/00)

РЕШЕНИЕ

Страсбург
24 июня 2004

В деле Фон Ганновер (Принцесса Ганноверская) против Германии

Европейский Суд по правам человека (Третья секция), заседая Палатой, в состав которой вошли судьи:

Mr I. CABRAL BARRETO, Председатель,
Mr G. RESS,
Mr L. CAFLISCH,
Mr R. TÜRMESEN,
Mr B. ZUPANČIČ,
Mr J. HEDIGAN,
Mr K. TRAJA, судьи,

and Mr V. BERGER, секретарь секции,

после совещаний за закрытыми дверями 6 ноября 2003 года и 3 июня 2004 года, постановляет следующее решение, принятое в последний из указанных дней:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело основано на заявлении (№ 59320/00) против Федеративной Республики Германия, поданном в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция») подданной Монако Каролиной фон Ганновер 6 июня 2000 года.

2. Заявитель утверждала, что решения немецких судов по ее делу нарушили ее право на уважение частной и семейной жизни, гарантированное статьей 8 Конвенции.

3. Заявление было передано на рассмотрение Четвертой секции Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Суда). Согласно пункту 1 правила 26 Регламента Суда в рамках данной Секции была образована Палата для рассмотрения дела (пункт 1 статьи 27 Конвенции).

4. 1 ноября 2001 года Суд изменил состав Секций (пункт 1 правила 25 Регламента Суда). Дело было передано на рассмотрение вновь сформированной Третьей секции Суда (пункт 1 правила 25 Регламента Суда).

5. Решением от 8 июля 2003 года. Палата признала заявление приемлемым для рассмотрения по существу.

6. Как заявитель, так и Правительство представили свои замечания по существу дела (пункт 1 правила 59 Регламента Суда). Кроме того, были получены комментарии Союза немецких издателей журналов (Verband deutscher Zeitschriftenverleger) и компании *Hubert Burda Media GmbH & Co. KG*, которые получили разрешение Председателя Палаты на вступление в дела в качестве третьего лица (пункт 2 статьи 36 Конвенции и пункт 2 правила 44 Регламента Суда). Заявитель ответила на эти комментарии (пункт 5 правила 44 Регламента Суда).

7. 6 ноября 2003 года в Дворце прав человека в Страсбурге состоялись открытые слушания в деле (пункт 3 правила 59 Регламента Суда).

В Суде присутствовали:

(A) *от Правительства:*

K. Stoltenberg, *Уполномоченный от Германии при Европейском суде по правам человека,*

A. Ohly, профессор гражданского права Университета г. Байрейт (Bayreuth University), *советник,*

A. Laitenberger, помощник Уполномоченного Германии при Европейском Суде по правам человека, *консультант;*

(B) *от заявителя:*

M. Prinz, юрист, *советник,*

C. Moffat, юрист,

A. Toucas, юрист, *консультанты.*

Суд заслушал M. Prinz, K. Stoltenberg и A. Ohly.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

8. Заявитель, старшая дочь князя Монако Ренье III, родилась в 1957 году. Ее официальным местожительством является Монако, но большей частью она проживает вблизи Парижа.

Как член семьи князя Ренье III заявитель является главой ряда гуманитарных и культурных фондов, например, Фонда княгини Грейс, Фонда князя Монако Пьера, а также представляет правящую семью на таких мероприятиях, как, например, Бал Красного Креста и открытие Международного циркового фестиваля. Тем не менее, она не выполняет никаких официальных функций в государстве Монако или от лица государства Монако или любых ее органов.

A. Фабула дела

9. С начала 90-х годов прошлого века заявитель пыталась, часто через суд, предотвратить публикации в бульварной прессе нескольких европейских стран фотографий, касающихся ее частной жизни.

10. Фотографии, ставшие предметом описанных ниже слушаний, были опубликованы издательством «Бурда» в немецких журналах «Бунте» и «Фрайцайт Ревю», а также издательством "Гайнрих Бауэр" в немецком журнале «Нойе Пост».

1. Первая серия фотографий

(а) Пять фотографий заявителя, опубликованных в журнале «Фрайцайт Ревю» (от 22 июля 1993 года, № 30)

11. Эти фотографии показывают заявителя с актером Венсаном Линдоном в дальнем уголке внутреннего дворика ресторана в Сен-Реми-де-Прованс. Первая страница журнала ссылается на «Нежнейшие фотографии ее романа с Венсаном», а фотографии опубликованы под заголовком «Эти фото - свидетельства нежнейшего романа нашего времени».

(b) Две фотографии заявителя, опубликованные в журнале «Бунте» (от 5 августа 1993 года, № 32)

12. Первая фотография под заголовком «Каролина и грусть. Ее жизнь - роман с бесконечным числом неудач, по словам автора статьи Ройга» показывает заявителя верхом на лошади. На второй фотографии – заявитель со своими детьми, Пьером и Андреа. Фотографии вошли в статью под названием «Я не думаю, что могу быть идеальной женой мужа».

(с) Семь фотографий заявителя, опубликованных в журнале «Бунте» (от 19 августа 1993 года, № 34)

13. На первой фотографии заявитель правил каноэ со своей дочерью Шарлоттой, вторая фотография показывает заявителя с сыном Андреа, который держит в руках букет цветов. На третьей фотографии заявитель делает покупки с сумкой через плечо, на четвертой заявитель находится в ресторане с Венсаном Линдоном, а на пятой – она сама на велосипеде. Шестое фото показывает заявителя с Венсаном Линдоном и ее сына Пьера. На седьмой фотографии заявитель делает покупки на рынке в сопровождении своего охранника. Статья называется «Простое счастье».

2. Вторая серия фотографий

(а) Десять фотографий заявителя, опубликованных в журнале «Бунте» (от 27 февраля 1997 года, № 10)

14. Эти фотографии показывают заявителя на лыжном отдыхе в Цюрсе и Арльберге. Статья, опубликованная вместе с фотографиями, называется «Каролина ... женщина возвращается к жизни».

(b) Одиннадцать фотографий заявителя, опубликованных в журнале «Бунте» (от 13 марта 1997 года, № 12)

15. Семь фотографий показывают заявителя с князем Эрнстом Августом Ганноверским на выставке лошадей в Сен-Реми-де-Прованс. Статья, опубликована вместе с фотографиями, называется «Поцелуй или Они больше не прячутся».

На остальных четырех фотографиях под заголовком «В Париже с принцессой Каролиной» она выходит из своего дома в Париже.

(с) Семь фотографий заявителя, опубликованных в журнале "Бунте" (Bunte) (от 10 февраля 1997 г., N 16)

16. Эти фотографии на первой странице показывают заявителя с князем Эрнстом Августом Ганноверским, а на внутренней странице – во время игры с князем в теннис и когда они оба откладывают в сторону свои велосипеды.

3. Третья серия фотографий

17. Серия фотографий, опубликованных в журнале «Нойе Пост» (№ 35/97), показывает заявителя в пляжном клубе Монте-Карло, в купальнике, завернутую в полотенце; она споткнулась и падает на землю. Эти фотографии были достаточно размыты и сопровождалась статьей под названием «Князь Эрнст Август щеголял, а принцесса Каролина упала ничком».

В. Производство в судах Германии

1. Первое производство

(а) Решение Земельного суда Гамбурга от 4 февраля 1993 года

18. 13 августа 1993 года заявитель обратилась в Земельный суд Гамбурга с целью добиться судебного запрета на дальнейшую публикацию издательством «Бурда» первой серии фотографий на том основании, что они нарушают ее право на защиту прав на личность, гарантированных пунктом 1 статьи 2 и пунктом 1 статьи 1 Основного Закона Германии, и ее право на защиту частной жизни и на контроль за использованием собственного изображения в соответствии со статьей 22 и всеми последующими статьями Закона об авторском праве (см. §§ 40-41 ниже).

19. Решением от 4 февраля 1993 года Земельный суд Гамбурга удовлетворил заявление только относительно распространения журналов во Франции в соответствии с нормами международного частного права (статья 38 Закона о вступлении в силу Гражданского кодекса в сочетании со статьей 9 Гражданского кодекса Франции).

Однако относительно распространения журналов в Германии Земельный суд Гамбурга заметил, что оно регулируется законодательством Германии. Согласно пункту 1 части 1 статьи 23 Закона об авторском праве заявитель как «выдающаяся фигура

современности» должна толерантно относиться к публикациям такого рода.

Земельный суд Гамбурга постановил, что заявитель не доказала наличие оправданного интереса, который бы сделал необходимым судебный запрет на дальнейшую публикацию, поскольку когда речь идет о выдающихся фигурах современности, право на защиту частной жизни перестает действовать на пороге их жилья; однако, все фото заявитель были сделаны исключительно в общественных местах.

(b) Решение Высшего Земельного суда Гамбурга от 8 декабря 1994 года

20. Заявитель обжаловала указанное выше судебное решение.

21. В решении от 8 декабря 1994 года Высший Земельный суд Гамбурга отклонил жалобу заявителя и отменил судебный запрет на дальнейшую публикацию фотографий во Франции. Как и Земельный суд Гамбурга, Высший Земельный суд Гамбурга пришел к выводу, что заявитель является выдающейся фигурой современности и, поэтому должна терпимо относиться к публикации отснятых без ее согласия фотографий, которые все без исключения были сделаны в общественных местах. Даже если постоянное преследование фотографов усложняло повседневную жизнь заявителя, такое преследование имело место вследствие законного желания информировать широкую общественность.

(c) Решение Федерального Верховного Суда от 19 декабря 1995 года

22. Заявитель обжаловала указанное выше решение, ссылаясь на вопросы права.

23. В решении от 19 декабря 1995 года Федеральный Верховный Суд частично удовлетворил жалобу заявителя, наложив судебный запрет на дальнейшую публикацию напечатанных в журнале «Фрайцайт Ревю» (от 22 июля 1993 года, № 30) фотографий, на которых заявитель с Венсаном Линдоном сидит в дальнем уголке внутреннего двора ресторана, на том основании, что эти фотографии нарушили ее право на уважение частной жизни.

Федеральный Верховный суд постановил, что даже выдающиеся личности имеют право на уважение их частной жизни и что это право не ограничивается их домом, а касается также публикации фотографий. Однако, вне дома они не могут полагаться на защиту частной жизни, если не находятся в отдаленном месте, подальше от внимания общественности – там, где объективно для всех является очевидным, что они хотят остаться в одиночестве, и, будучи уверенными, что находятся далеко от любопытных глаз, ведут себя так, как не стали бы себя вести в общественном месте. Итак, можно прийти к выводу о незаконном нарушении права на защиту частной жизни в случае публикации фотографий, которые были сделаны тайком и/или неожиданно застали лицо, которое уединилось в

подобном месте. Именно так было в данном случае, когда заявитель и ее спутник отделились в дальний угол внутреннего двора ресторана с явным намерением оказаться подальше от внимания публики.

Впрочем, Федеральный Верховный суд отклонил апелляционную жалобу в других ее частях на том основании, что, как выдающаяся фигура современности, заявитель должна терпимо относиться к публикации фотографий, на которых она изображена в общественном месте, даже если на них отображены сцены ее повседневной жизни, а не то, как заявитель выполняет свои официальные функции. Общественность имеет законный интерес знать, где находится заявитель и как она ведет себя на публике.

(d) Решение Федерального Конституционного Суда Германии от 15 декабря 1999 года

24. Впоследствии заявитель направила конституционную жалобу в Федеральный Конституционный Суд Германии, указав в ней, что было нарушено ее право на защиту прав личности (пункт 1 статьи 2 в сочетании с пунктом 1 статьи 1 Основного закона Германии).

По утверждению заявителя, критерии, установленные Федеральным Верховным Судом относительно защиты частной жизни относительно фотографий, сделанных в общественных местах, не обеспечивают эффективной защиты свободного развития личности как в частной, так и в семейной жизни. Эти критерии настолько узки, что на практике заявителя, как оказалось, можно сфотографировать в любое время вне ее дома и потом опубликовать эти фотографии в средствах массовой информации.

С учетом того, что фотографии были использованы не для того, чтобы действительно информировать людей, а только с целью развлечь их, право на контроль за использованием собственного изображения в отношении сцен частной жизни, признанное в юриспруденции Федерального Конституционного Суда Германии, имеет преобладающую силу по сравнению с правом на свободу прессы, которое также гарантировано Основным Законом Германии.

25. В принципиально новом прецедентном решении от 15 декабря 1999 года, вынесенном после слушаний, Федеральный Конституционный Суд Германии частично удовлетворил конституционную жалобу заявителя на том основании, что публикация трех фотографий, на которых заявитель изображена со своими детьми, в 32-ом и 34-ом номерах журнала «Бунте» от 5 августа 1993 года и 19 августа 1993 года соответственно, нарушили ее право на защиту прав личности, которое гарантировано пунктом 1 статьи 2 и пунктом 1 статьи 1 Основного Закона Германии и подкреплено ее правом на защиту семьи по статье 6 Основного Закона Германии. Федеральный Конституционный Суд Германии передал дело для рассмотрения по этому вопросу Федеральному Верховному Суду. Однако, Федеральный

Конституционный Суд Германии отклонил конституционную жалобу заявителя в части, которая касалась других фотографий.

Соответствующая часть решения определяет, что:

"Конституционная жалоба является обоснованной в части.

...

II.

Обжалованные решения не полностью удовлетворяют требованиям пункта 1 статьи 2 в совокупности с пунктом 1 статьи 1 Основного Закона.

1. Однако положения статей 22 и 23 Закона об авторском праве, на которых базировались решения гражданских судов в этом деле, не противоречат Основному Закону.

Согласно пункту 1 статьи 2 Основного Закона, общие права личности гарантируются только в границах конституционного порядка. Положения, касающиеся публикации фотографических изображений лиц и перечисленные в статьях 22 и 23 Закона об авторском праве, являются частью этого конституционного порядка. Они появились вследствие инцидента, который в свое время вызвал скандал (фотографии Бисмарка на смертном одре ...), и последующей политико-правовой дискуссии, которая разгорелась из-за этого инцидента ..., и направлены на установление справедливого баланса между уважением к правам личности и интересом общественности в получении информации ...

В соответствии с первым предложением статьи 22 Закона об авторском праве, изображения могут распространяться или выставляться на публичное обозрение лишь в соответствии с выраженным согласием изображенного лица. Согласно части 1 статьи 23 Закона об авторском праве эта норма не распространяется на изображения, которые касаются современной истории ... Тем не менее, на основании части 2 статьи 23 Закона об авторском праве, это исключение не распространяется на случаи нарушения таким распространением законных интересов изображенного лица. Разные степени защиты, согласно этим правилам, учитывают как необходимость защитить изображаемое лицо, так и желание общественности получать информацию и заинтересованность средств массовой информации в удовлетворении такого желания. Все это уже было установлено Федеральным Конституционным Судом ...

...

(b) При толковании и применении статей 22 и 23 Закона об авторском праве в этом деле необходимо учитывать не только общие права личности, но и свободу прессы, гарантированную во втором предложении пункта 1 статьи 5 Основного Закона, поскольку анализируемые положения также распространяются на указанные свободы.

...

Тот факт, что пресса выполняет функцию формирования общественного мнения, не исключает развлекательные материалы из системы гарантий Основного Закона. Формирование взглядов и развлечения не являются противоположностями. Развлекательные материалы также играют важную роль в формировании взглядов. Иногда они могут даже в большей мере, чем сугубо фактическая информация, приводить к формированию мнения или влиять на них. Более того, в средствах массовой информации наблюдается возрастающая

тенденция не различать информацию и развлечения как в освещении событий в прессы в целом, так и в отдельных материалах и стремление распространять информацию в развлекательной форме или объединять ее с развлекательными материалами. Поэтому многие читатели получают информацию, которую они считают важной или интересной, из развлекательных материалов в средствах массовой информации ...

Так же нельзя отрицать роль исключительно развлекательных материалов в формировании мнения. Такое возражение означало бы одностороннее утверждение того, что развлекательные материалы служат только для удовлетворения желания веселиться, расслабляться, прятаться от реальности или приятно проводить время. Развлекательные материалы могут также отображать реальность, предлагать темы для обсуждения, которые порождают дискуссионные процессы и побуждают к сопоставлению разных жизненных философий, ценностей и моделей поведения. В связи с этим развлекательные материалы выполняют важные социальные функции ... С точки зрения защиты свободы прессы развлекательные материалы в прессе нельзя считать ни незначительными, ни полностью лишенными ценности; таким образом, они также попадают в сферу применения основных прав ...

Это также верно в отношении информации о людях. Персонализация является важным журналистским средством привлечения внимания. Очень часто именно персонализация вызывает начальный интерес к проблеме и стимулирует желание получить фактическую информацию. Подобным образом интерес к конкретному событию или ситуации по обыкновению бывает вызван сообщениями о конкретных людях. Кроме того, знаменитости олицетворяют те или другие моральные ценности и стиль жизни. Следуя их примеру, многие люди избирают для себя свой стиль жизни. Знаменитости служат ориентирами для принятия или непринятия тех или иных явлений и выступают в качестве положительных и негативных примеров. Именно этим объясняется интерес общественности ко всем взлетам и падениям их жизни.

Что касается политических деятелей, то интерес общественности к ним всегда считался правомерным с точки зрения прозрачности и общественного контроля. Нельзя отрицать, что подобный интерес, в принципе, существует и в отношении других публичных лиц. В этом отношении пресса, показывая людей в ситуациях связанных не только с выполнением ими определенных обязанностей или с участием в конкретных событиях, выполняет свою функцию, которая также должна быть защищена в рамках защиты свободы прессы. Только тогда, когда необходимо соблюсти равновесие между конкурирующими личными правами, нужно решать, идет ли речь о серьезном и объективном изложении важных для общественности вопросов или, напротив, о распространении информации о чьей-то частной жизни с целью удовлетворения любопытства общественности ...

(с) Решение Федерального Верховного суда в основном опирается на рассмотрение его соответствия конституционным нормам.

(aa) Нельзя критиковать Федеральный Верховный Суд с точки зрения конституционного права за то, что он оценил условия применения пункта 1 части 1 статьи 23 Закона об авторском праве согласно критерию интереса общественности в получении информации и признал на этом основании законным публикацию фотографий, на которых изображена заявитель вне выполнения ею представительных функций в княжестве Монако.

В соответствии с пунктом 1 части 1 статьи 23 Закона об авторском праве на публикацию снимков, которые изображают любой аспект современной истории, не нужно получать согласие соответствующего лица в понимании статьи 22 Закона об авторском праве. Исходя из истории принятия этого Закона ... и принимая во внимание значение и цель употребленных в нем слов, анализируемое положение учитывает как интерес общественности в получении информации, так и свободу прессы. Такими образом, при толковании данной составной части должны учитываться интересы общественности. Фотографии людей, которые не представляют значительности для современного общества, не должны становиться общедоступными: для их публикации нужно получить предварительное согласие изображенного на них лица. Другой элемент, который затрагивается основными правами, а именно «правомерный интерес» в значении части 2 статьи 23 Закона об авторском праве, касается – и это следует подчеркнуть с самого начала – только выдающихся фигур современности и потому не может в достаточной мере учитывать интересы свободы прессы, если они ранее не были приняты во внимание при определении круга заинтересованных лиц.

Учитывая важность свободы прессы и ее границы и при этом чрезмерно не ограничивая защиту прав личности, концепция современности, на которую ссылается пункт 1 части 1 статьи 23 Закона об авторском праве, должна не только охватывать, согласно данному судами определению, события исторического или политического значения, но и определяться с учетом интересов общественности в получении информации... Невозможно обеспечить свободу прессы и свободное формирование мнения, не предоставив прессе, в рамках закона, достаточного пространства для маневра, которые позволяли бы ей определять, в соответствии с собственными критериями обнародования информации, то, чего требуют интересы общественности, и то, что представляет интерес для людей. Как указывалось выше, развлекательные материалы не представляют собой исключение из данных принципов.

Федеральный Верховный Суд нельзя также критиковать за включение в «сферу современной истории», в значении пункта 1 части 1 статьи 23 Закона об авторском праве, изображений не только тех людей, которые вызвали интерес общественности в какой-либо момент времени в связи с конкретным историческим событием, но и тех, которые из-за своего положения и влияния, привлекают внимание общественности в принципе, а не в каком-то конкретном случае. В связи с этим нужно также учитывать, что, в отличие от того времени, когда был принят Закон об авторском праве, сегодня все более важную роль играет иллюстрированная информация. Понятие «выдающейся фигуры современности», которая часто используется в связи с этим в судебной практике и в теории права, не вытекает непосредственно из закона или Конституции. Если, как это было сделано Высшим Земельным судом Гамбурга и Федеральным Верховным Судом, расценивать его как краткое обозначение совокупности лиц, чьи изображения считаются общественностью заслуживающими внимания ввиду статус заинтересованных лиц, то такое толкование безупречно с точки зрения конституционного права, по крайней мере пока соблюдается баланс, в свете обстоятельств дела, между общественным интересом в получении информации и правомерными интересами соответствующего лица.

Общие права личности не требуют, чтобы публикация, на которую не нужно предварительное согласие, непременно ограничивалась изображениями выдающихся фигур современности при выполнении ими общественных

функций. Очень часто широкий общий интерес к таким лицам не распространяется исключительно на выполнение ими своих функций в буквальном смысле. В силу выполняемых этими лицами функций и их последствий общественность может интересоваться и тем, как эти лица вообще – то есть, не при выполнении официальных обязанностей, – ведут себя на публике. Общественность имеет правомерный интерес получить возможность судить, в какой мере и насколько частное поведение лиц, которых часто считают кумирами или примерами для подражания, убедительно соответствует их же поведению на официальных мероприятиях.

Если бы, с другой стороны, право на публикацию изображений людей, которые считаются выдающимися фигурами современности, было ограничено их официальными функциями, общественный интерес к таким лицам не принимался бы во внимание надлежащим образом, и более того, это содействовало бы выборочному представлению информации, которое лишило бы общественность необходимой возможности сполна судить о деятелях общественно-политической жизни, учитывая ролевые модели и осуществляемый такими лицами влияние. Прессе, однако, не разрешено использовать любые изображения выдающихся фигур современности. Наоборот, часть 2 статьи 23 Закона об авторском праве дает судам достаточные возможности для применения охранительных положений пункта 1 статьи 2 в совокупности с пунктом 1 статьи 1 Основного Закона ...

(bb) Критерии, установленные Федеральным Верховным Судом для толкования концепции «правомерного интереса», упомянутого в части 2 статьи 23 Закона об авторском праве, теоретически безупречны с точки зрения конституционного права.

Согласно обжалованному судебному решению, частная жизнь «выдающихся фигур современности» является неприкосновенной и нуждается в защите, если они обособились в уединенном месте с объективно очевидным намерением остаться в одиночестве и, будучи уверенными, что они находятся далеко от заинтересованных лиц, ведут себя так, как не стали бы вести себя на публике. Федеральный Верховный Суд согласился, что нарушение статей 22 и 23 Закона об авторском праве имело место в случае, когда фотографии такого рода были сделаны тайком или захватили врасплох лицо, которое уединилось в подобном месте.

Критерий уединенного места учитывает цель общего права на защиту прав личности, которая заключается в том, чтобы предоставить лицу пространство, в том числе вне собственного дома, где лицо не ощущало бы себя предметом постоянного внимания общественности и могло расслабиться и насладиться тишиной и покоем, а также освобождает такое лицо от обязанности вести себя как на публике. Этот критерий чрезмерно не ограничивает свободу прессы, потому что не накладывает полный запрет на изображение повседневной или частной жизни выдающихся фигур современности, а позволяет показывать их при появлении на публике. В случае наличия доминирующего интереса общественности в получении информации, свобода прессы, согласно прецедентным судебным решениям, может преобладать право над защитой частной жизни ...

Федеральный Верховный суд надлежащим образом оценил правомерность выводов на основе поведения человека, который очевидно находится в уединенном месте. Однако, защита от распространения фотографий, сделанных при таких обстоятельствах, должна обеспечиваться не только тогда, когда лицо

ведет себя так, как не стало бы вести себя на публике. Наоборот, невозможно надлежащим образом защитить развитие личности, если лицо не будет иметь простора, где могло бы расслабиться, не будучи вынужденным терпеть присутствие фотографов или операторов. Впрочем, данного дела это не касается, поскольку в нем, согласно выводам, на которые Федеральный Верховный суд опирался в своем решении, не было соблюдено первое из необходимых условий защиты частной жизни.

В конце концов, нет ничего неконституционного в том, чтобы при установлении баланса между интересом общественности в получении информации и защитой частной жизни придавать значение способу получения данной информации... Однако вызывает сомнение, чтобы сам факт фотографирования лица тайком или врасплох считался нарушением неприкосновенности его частной жизни вне собственного дома. Учитывая цель защиты неприкосновенности частной жизни согласно конституционному праву и то, что зачастую по фотографии невозможно определить, было ли изображено лицо снято тайком или неожиданно, наличие незаконного вмешательства в частную жизнь нельзя при любых обстоятельствах доказать на основании лишь того, что фотография была сделана в таких условиях. Впрочем, поскольку Федеральный Верховный Суд уже установил относительно указанных фотографий, что заявитель не находилась в уединенном месте, приведенные выше сомнения не имеют отношения к пересмотру его решения.

(cc) Однако конституционные требования не были соблюдены, поскольку обжалованные заявителем решения не учитывали тот факт, что право на защиту прав личности в ситуации, в которой оказалась заявитель, усиливается статьей 6 Основного закона, которая касается близких отношений таких лиц со своими детьми.

(dd) Из изложенных выше соображений относительно указанных фотографий можно сделать следующие выводы:

Решение Федерального Верховного Суда нельзя критиковать в контексте конституционного права относительно фотографий заявителя на рынке, где она совершает покупки в сопровождении своего охранника, и во время обеда со своим спутником в многолюдном ресторане. В этих двух случаях фигурируют открытые для публики места, где бывает большое количество людей. В третьем случае фотографии отсняты в хорошо отделенном месте, где заявитель, однако, была в поле зрения других посетителей. Более того, именно по этой причине Федеральный Верховный Суд счел правомерным запретить распространение фотографий, которые изображали заявителя во внутреннем дворике ресторана и которые были предметом обжалованного судебного решения, но не были предметом конституционной жалобы. Фотографическое изображение заявителя и ее спутника имеет все признаки уединения. Тот факт, что рассматриваемые фотографии скорее всего были сделаны издали, доказывает, что заявитель имела законные основания предполагать, что находится вне видимости публики.

Также нельзя подвергать критике обжалованное решение относительно фотографий заявителя, на которых она изображена одна верхом на лошади или на велосипеде. По мнению Федерального Верховного Суда, заявитель находилась не в уединенном, а в общественном месте. Этот вывод не может критиковаться с точки зрения конституционного права. Сама заявитель относит эти фотографии к сфере ее частной жизни только потому, что они свидетельствуют о ее желании побыть в одиночестве. Согласно изложенным

выше критериям одно лишь желание заинтересованного лица не имеет никакого отношения к анализируемому случаю.

Однако, три фотографии заявителя с ее детьми нуждаются в новом рассмотрении в свете изложенных выше конституционных норм. Мы не можем исключить возможности того, что рассмотрение, которое необходимо провести в свете соответствующих критериев, приведет к другому результату относительно той или другой или же всех фотографий. Таким образом, решение в этой части должно быть отменено и передано Федеральному Верховному Суду для постановления нового решения.

(d) Решения Земельного суда Гамбурга и Высшего Земельного суда Гамбурга привели к нарушению основных прав, ограничив лишь домом неприкосновенность частной жизни, которая защищается пунктом 1 статьи 2 Основного закона в совокупности с пунктом 1 статьи 1, более того, следуя логике судебной практики того времени. Однако, в отмене указанных решений нет потребности, поскольку обжалованное нарушение частично исправлено Федеральным Верховным судом, а в другой части дело снова передано на рассмотрение этого суда.

...»

(е) Продолжение производства

26. После передачи Федеральному Верховному Суду дела относительно трех фотографий, которые появились в журнале «Бунте» (от 5 августа 1993 года, № 32 и от 19 августа 1993 года, № 34) и на которых заявитель изображена со своими детьми, издательская компания «Бурда» обязалась повторно не публиковать эти фотографии.

2. Второе производство

(а) Решение Земельного суда Гамбурга от 26 сентября 1997 года

27. 14 мая 1997 заявитель снова обратилась в Земельный суд Гамбурга по судебному запрету повторной публикации издательской компанией «Бурда» второй серии фотографий на том основании, что они нарушили ее право на защиту прав личности, гарантированное пунктом 1 статьи 2 и пунктом 1 статьи 1 Основного закона Германии, и ее право на защиту частной жизни и контроль за использованием собственного изображения, гарантированные статьей 22 и далее Закона об авторском праве.

28. В решении от 26 сентября 1997 года Земельный суд Гамбурга отклонил это заявление, сославшись, в частности, на основания решения Федерального Верховного Суда от 19 декабря 1995 года.

(b) Решение Высшего Земельного суда Гамбурга от 10 марта 1998 года

29. Заявитель обжаловала указанное высшее судебное решение.

30. В решении от 10 марта 1998 г. Высший Земельный суд Гамбурга отклонил жалобу заявителя по тем же основаниям.

(с) Решение Федерального Конституционного Суда от 4 апреля 2000 года

31. Поскольку Высший Земельный суд Гамбурга отказал в разрешении на обжалование решения по вопросам права в Федеральный Верховный суд, заявитель направила конституционную жалобу непосредственно в Федеральный Конституционный Суд Германии, обосновав ее своими предыдущими доводами.

32. В решении от 4 апреля 2000 года Федеральный Конституционный Суд Германии, заседая в составе коллегии из трех судей, отказал в принятии конституционной жалобы к рассмотрению. Он сослался, в частности, на решение Федерального Верховного Суда от 19 декабря 1995 года и на собственное прецедентное решение от 15 декабря 1999 года.

3. Третье производство

(а) Решение Земельного суда Гамбурга от 24 апреля 1998 года

33. 5 ноября 1997 года заявитель снова обратилась в Земельный суд Гамбурга за судебным запретом повторной публикации издательством «Гайнрих Бауер» третьей серии фотографий на том основании, что они нарушили ее право на защиту прав личности, гарантированное пунктом 1 статьи 2 и пунктом 1 статьи 1 Основного Закона Германии, и ее право на защиту частной жизни и контроль за использованием собственного изображения, гарантированные статьей 22 и далее Закона об авторском праве.

Заявитель предоставила, кроме прочего, данные под присягой показания директора пляжного клуба Монте-Карло о том, что эти купальни являются частным учреждением, доступ к которым возможен при покупке входного билета высокой стоимости и жестко контролируется, а журналисты и фотографы не допускаются, если они не имеют прямого разрешения владельца учреждения. Тот факт, что фотографии были очень размытыми, доказывает, что они были сделаны тайком с расстояния в несколько сотен метров из окна или с крыши соседнего дома.

34. В решении от 24 апреля 1998 года Земельный суд Гамбурга отклонил жалобу заявителя, сославшись, в частности, на основания решения Федерального Верховного суда от 19 декабря 1995 года. Суд отметил, что пляжный клуб Монте-Карло нужно считать расположенным под открытым небом плавательным бассейном, который открыт для публики, вопреки тому, что за вход взимается плата и доступ в него ограничен.

(b) Решение Высшего Земельного суда Гамбурга от 13 октября 1998 года

35. Заявитель обжаловала вышеуказанное судебное решение.

36. В решении от 13 октября 1998 года Высший Земельный суд Гамбурга отклонил жалобу заявителя по тем же самым основаниям.

Апелляционный суд постановил, что плавательный бассейн или пляж не является уединенным местом, а фотографии, на которых заявитель спотыкается и падает на землю, не имели целью опорочить или унижить ее в глазах общественности.

(с) Решение Федерального Конституционного Суда от 13 апреля 2000 года

37. Поскольку апелляционный суд Гамбурга отказал в разрешении на обжалование решения по вопросам права в Федеральный Верховный Суд, заявитель направила конституционную жалобу непосредственно в Федеральный Конституционный Суд Германии, обосновав ее своими предыдущими доводами.

38. Решением от 13 апреля 2000 года Федеральный Конституционный Суд Германии, заседая в составе коллегии из трех судей, отказался принять конституционную жалобу к рассмотрению. Он сослался, в частности, на решение Федерального Верховного суда от 19 декабря 1995 года и на собственное прецедентное решение от 15 декабря 1999 года.

Федеральный Конституционный Суд Германии постановил, что суды общей юрисдикции надлежащим образом установили, что пляжный клуб Монте-Карло не является уединенным местом и что фотографии заявителя в купальнике и при падении на землю не могут представлять нарушение ее права на уважение частной жизни.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

A. Основной Закон

39. Касающиеся положения Основного Закона определяют:

Статья 1 § 1

«Достоинство человека неприкосновенно. Все государственные органы обязаны уважать и защищать его».

Статья 2 § 1

«Каждый имеет право на свободное развитие своей личности, если он не нарушает права других лиц и не посягает на конституционный порядок или моральный закон».

Статья 5 §§ 1 и 2

«1. Каждый имеет право свободно высказывать и распространять свое мнение устно, письменно и с помощью изображений, а также беспрепятственно получать информацию из общедоступных источников. Свобода прессы и свобода информирования с помощью радио и кино гарантируются. Цензуры не должно быть.

2. Границы этих прав устанавливаются предписаниями общих законов, законодательными положениями о защите молодежи и обязанностью уважать личную честь человека».

Статья 6 §§ 1 и 2

«1. Брак и семья находятся под особой защитой государства.

2. Уход за детьми и воспитание их является естественным правом родителей и первой их обязанностью. Родители выполняют этот долг под надзором общества.»

В. Закон об авторском праве

40. Часть 1 статьи 22 Закона об авторском праве предусматривает, что изображение лиц могут распространяться только с их прямо выраженного согласия.

41. Часть 1 статьи 23 Закона об авторском праве предусматривает исключения из этого правила, в частности, если изображение касается какого-то аспекта современной жизни, при условии, что публикация не нарушает правомерных интересов изображаемого лица.

С. Резолюция N 1165 (1998) Парламентской Ассамблеи Совета Европы о праве на неприкосновенность частной жизни

42. Полный текст данной резолюции, принятой Парламентской Ассамблеей 26 июня 1998 года, гласит:

«1. Ассамблея напоминает о дискуссии по разным аспектам права на неприкосновенность личной жизни, состоявшейся на ее сентябрьской сессии 1997 г., через несколько недель после того несчастного случая, который стоил принцессе Уэльской жизни.

2. Пользуясь этим случаем, одни стали требовать усиления на европейском уровне, посредством конвенции, защиты неприкосновенности личной жизни, и, особенно, личной жизни публичных фигур; другие же заявляли, что неприкосновенность личной жизни в достаточной мере защищена национальным законодательством и Европейской конвенцией по правам человека, и что не следует подвергать опасности свободу выражения.

3. Для более глубокого изучения данного вопроса Комитет по правовым вопросам и правам человека организовал 16 декабря 1997 г. слушания в Париже с участием публичных фигур, их представителей и средств массовой информации.

4. Право на неприкосновенность личной жизни, гарантированное статьей 8 Европейской конвенции по правам человека, уже определено Ассамблеей в Декларации о средствах массовой информации и правах человека, содержащейся в Резолюции 428 (1970), как «право вести свою жизнь по собственному усмотрению при минимальном постороннем вмешательстве в нее».

5. С учетом новых коммуникационных технологий, позволяющих хранить и воспроизводить сведения персонального характера, к указанному определению следует добавить право на контроль за сведениями персонального характера.

6. Ассамблея отдает себе полный отчет в том, что личная жизнь часто подвергается вторжениям, даже в странах, где имеются специальные законы для ее защиты, поскольку для определенной части некоторых СМИ подробности личной жизни стали предметом чрезвычайно выгодной купли-продажи. Их жертвами в основном становятся публичные фигуры, поскольку подробности их жизни служат хорошим стимулом для продаж. Одновременно публичные фигуры должны признать то обстоятельство, что особое положение, которое они, зачастую по собственному выбору, занимают в обществе, автоматически ведет к усилению давления общественности в отношении их личной жизни.

7. Публичными фигурами являются те лица, которые занимают государственную должность и (или) пользуются государственными ресурсами, а также все те, кто играет определенную роль в общественной жизни, будь то в области политики, экономики, искусства, социальной сфере, спорте или в любой иной области.

8. Пользуясь односторонним толкованием права на свободу выражения, гарантированного статьей 10 Европейской конвенции по правам человека, средства массовой информации зачастую вторгаются в личную жизнь людей, оправдывая это тем, что их читатели имеют право знать всё о публичных фигурах.

9. Определенные факты из частной жизни публичных, и, в частности, политических деятелей, конечно же, могут представлять интерес для граждан и, следовательно, читатели, которые также являются и избирателями, имеют право быть в курсе о такого рода фактах.

10. Таким образом, необходимо найти способ уравновесить два фундаментальных права, которые оба гарантируются Европейской конвенцией по правам человека: право на защиту частной жизни и право на свободу выражения.

11. Ассамблея подтверждает значимость права каждого человека на неприкосновенность его личной жизни и права на свободу выражения как основополагающих для демократического общества. Эти права не носят абсолютного характера и не находятся в подчинении одно у другого, оба они равноценны.

12. В то же время, Ассамблея указывает, что право на неприкосновенность личной жизни, предоставленное статьей 8 Европейской конвенции по правам человека, должно защищать человека не только от вмешательства органов государственной власти, но и от любых посягательств со стороны частных лиц и организаций, включая средства массовой информации.

13. Ассамблея полагает, что, поскольку все государства-участники уже ратифицировали Европейскую конвенцию по правам человека, и поскольку во многих системах национального законодательства содержатся положения, гарантирующие подобную защиту, нет необходимости в принятии новой конвенции об обеспечении права на неприкосновенность личной жизни.

14. Ассамблея призывает правительства государств-участников принять такие законы об обеспечении права на неприкосновенность личной жизни, если таковые еще не приняты, которые соответствовали бы

следующим основным положениям, либо привести в соответствие с ними уже действующее законодательство:

(i) должно быть гарантировано право потерпевшего требовать, посредством гражданского иска, возмещения потенциального ущерба, нанесенного в результате посягательства на его личную жизнь;

(ii) если в публикациях содержатся посягательства на личную жизнь, соответствующие редакторы и журналисты должны нести ответственность в той же мере, как и в случае клеветы;

(iii) в случае, если редактор опубликовал сведения, которые в дальнейшем оказались ошибочными, он обязан на основании требования заинтересованных лиц опубликовать исправления в надлежащем объеме;

(iv) в отношении тех издательских групп, которые регулярно посягают на частную жизнь людей, следует применять экономические штрафные санкции;

(v) необходимо запретить преследование, фотографирование, видеосъемку или аудиозапись людей, если это каким-либо образом препятствует спокойствию частной жизни этих людей или наносит им реальный физический ущерб;

(vi) пострадавшему должна быть предоставлена возможность подать гражданский иск в суд против фотографа или лица, напрямую вовлеченного в оспариваемые действия, в случае, если «папарацци» вторглись в его личные владения либо использовали специальную увеличительную (усиливающую) видео- и аудиоаппаратуру для записи (съемки), которую иначе невозможно было бы осуществить без вторжения в личные владения;

(vii) следует предусмотреть положение, по которому лицо, располагающее информацией о том, что кто-то намеревается распространить сведения или изображения в отношении его частной жизни, могло возбудить чрезвычайный судебный процесс, такой как упрощенное производство о временном распоряжении или судебном приказе об отсрочке распространения таких сведений, на основании оценки судом существа иска о вторжении в личную жизнь;

(viii) следует содействовать тому, чтобы средства массовой информации разработали свои правила касательно публикации материалов и учредили орган, куда частные лица могли бы обращаться с жалобами на вторжение в их частную жизнь и с требованиями о публикации опровержений и исправлений.

15. Она приглашает правительства, которые еще этого не сделали, без промедления ратифицировать Конвенцию Совета Европы о защите личности в связи с автоматической обработкой персональных данных.

16. Ассамблея также призывает правительства государств-участников:

(i) содействовать профессиональным органам, представляющим журналистов, в выработке определенных критериев занятия журналистской деятельностью, а также норм саморегулирования и кодексов журналистского поведения;

(ii) способствовать включению в программы подготовки журналистов курса права, в котором подчеркивалась бы значимость права на неприкосновенность личной жизни для общества в целом;

(iii) стимулировать, в рамках обучения правам и обязанностям человека, широкомасштабное обучение работников СМИ с целью повышения их знаний в отношении того, что влечет за собой право на неприкосновенность личной жизни;

(iv) облегчить доступ в судебные учреждения и упростить процессуальные нормы в отношении правонарушений в прессе, в целях обеспечения лучшей защиты прав пострадавших.»

ПРАВО

I. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

43. Заявитель утверждала, что решения судов Германии нарушили ее право на уважение частной и семейной жизни, гарантированное статьей 8 Конвенции, которая определяет, что:

"1. Каждый имеет право на уважение своей частной и семейной жизни, своего жилья и корреспонденции.

2. Органы государственной власти не могут вмешиваться в осуществление этого права, за исключением случаев, когда вмешательство осуществляется согласно закону и является необходимым в демократическом обществе в интересах национальной и общественной безопасности или экономического благосостояния страны, для предотвращения волнений или преступлений, для защиты здоровья или морали или для защиты прав и свобод других лиц".

А. Доводы сторон и третьих сторон

1. Заявитель

44. Заявитель отметила, что она потратила более десяти лет на безуспешные судебные разбирательства в немецких судах, пытаясь защитить свое право на защиту частной жизни. Она утверждала, что как только она выходила из дома, ее сразу же начинали преследовать папарацци, которые следили за каждым ее шагом, переходила она дорогу, забирая она детей из школы, делая покупки, гуляя, занимайся спортом или отдыхай. По ее мнению, защита частной жизни такого, как она, публичного лица согласно законодательству Германии минимальна, потому что понятие «уединенного места», определенное Федеральным Верховным Судом и Федеральным Конституционным Судом Германии, в этом отношении является весьма узким. Более того, чтобы воспользоваться такой защитой, ей каждый раз приходилось нести бремя доказывания того, что она находилась в уединенном месте. Таким образом, она была лишена какой бы то ни было неприкосновенности частной жизни, и не могла свободно передвигаться, не становясь при этом мишенью для папарацци. Заявитель утверждала, что во Франции для публикации любых фотографий, на которых она изображена не на официальном мероприятии, нужно получить ее предварительное согласие. Такие фотографии регулярно делались во Франции и потом продавались и

публиковались в Германии. Таким образом, защита частной жизни, которой она пользовалась во Франции, систематически ограничивалась в силу решений немецких судов. Относительно свободы прессы заявитель заметила, что она понимает значение прессы в демократическом обществе с точки зрения информирования граждан и формирования общественного мнения, но в ее случае речь шла только о развлекательной прессе, которая хочет удовлетворить вуайеристские наклонности читателей и получить огромный доход от публикации совершенно нейтральных фотографий ее повседневной жизни. В конце концов, заявитель подчеркнула, что в сущности невозможно относительно каждой фотографии установить, находилась ли заявитель в уединенном месте. Поскольку судебные разбирательства проводились, как правило, через несколько месяцев после публикации фотографий, она была вынуждена постоянно записывать каждый свой шаг, чтобы защититься от папарацци, которые могли ее сфотографировать. Относительно многих фотографий, которые являются предметом этого заявления, вообще не представляется возможным установить точное время и место, где они были сделаны.

2. Правительство

45. Правительство заявило, что законодательство Германии, принимая во внимание основополагающую роль свободы прессы в демократическом обществе, содержит достаточные гарантии предотвращения любых злоупотреблений и обеспечивает эффективную защиту частной жизни даже публичных лиц. По утверждению правительства, в данном деле немецкие суды обеспечили справедливый баланс между правом заявителя на уважение ее частной жизни, гарантированным статьей 8 Конвенции, и свободой прессы, которая гарантируется статьей 10 Конвенции, учитывая границы усмотрения, предоставленные государству в этой сфере. Прежде всего, суды установили, что фотографии были сделаны не в уединенном месте, а потом рассмотрели границы защиты частной жизни, в частности в свете свободы прессы, даже если речь идет о публикациях фотографий в развлекательной прессе. Защита частной жизни публичных лиц современности не требует того, чтобы публикация фотографий без их разрешения ограничивалась лишь изображением таких лиц при выполнении официальных обязанностей. Общественность имеет законное право знать, как это лицо обычно ведет себя на людях. Правительство заявило, что определение свободы прессы, которое дал Федеральный Конституционный Суд Германии, не противоречит статье 10 Конвенции и соответствующей практике Европейского Суда. Более того, концепция уединенного места была хотя и важным, но лишь одним из факторов, которые учитывались национальными судами при установлении баланса между защитой

частной жизни и свободой прессы. Поэтому, хотя частная жизнь оказывается менее защищенной тогда, когда публичное лицо фотографируют в публичном месте, приниматься во внимание также могут другие факторы, например, характер фотографий, который не должен шокировать общественность. В конце концов, Правительство подчеркнуло, что решение Федерального Верховного Суда, который признал незаконной публикацию фотографий заявитель с актером Венсаном Линдоном во внутреннем двореке ресторана в Реми-де-Прованс, подтвердило, что частная жизнь заявитель была защищена даже вне ее дома.

3. Третьи стороны

46. Союз немецких издателей журналов заявил, что право Германии, которое представляет собой что-то среднее между правом Франции и правом Соединенного Королевства, установило справедливый баланс между правом на защиту частной жизни и свободой прессы. Утверждалось, что оно также отвечает принципам, установленным Резолюцией № 1165 Парламентской Ассамблеи Совета Европы о праве на неприкосновенность частной жизни и практикой Европейского Суда, который всегда подчеркивал основополагающую роль прессы в демократическом обществе. Правомерный интерес общественности в получении информации не ограничивается политическими деятелями, а распространяется также на публичных лиц, которые стали известны по другим причинам. Роль прессы как «сторожевого пса» в данном вопросе нельзя толковать в узком смысле. В этом контексте нужно учитывать тот факт, что граница между политическим комментарием и развлекательным материалом становится все более размытой. Принимая во внимание отсутствие единого европейского стандарта относительно защиты частной жизни, государство имеет широкие границы усмотрения в этой сфере.

47. Издательство «Бурда» присоединилось к замечаниям Союза немецких издателей журналов и заявило, что правовая система Германии требует от судов очень точно и с учетом обстоятельств дела устанавливать баланс между конкурирующими интересами информирования общественности, с одной стороны, и защитой права на контроль над использованием собственного изображения, с другой стороны. Даже выдающимся фигурам современности предоставляется весьма значительная степень защиты, а недавние судебные прецеденты демонстрируют тенденцию усиления такой защиты. После смерти матери в 1982 году заявитель официально является первой дамой правящей семьи в Монако и в этом качестве является примером для публики. Более того, семья Гримальди всегда стремилась привлекать внимание средств массовой информации и поэтому сама возбудила интерес общественности к себе. Таким образом, заявитель не может считаться жертвой прессы, особенно если принять во внимание ее

официальные функции. Публикация фотографий, которые стали предметом рассмотрения, не нарушила право заявителя на контроль над использованием собственного изображения, потому что фотографии были сделаны, когда она находилась на публике, и не нанесли ущерб ее репутации.

В. Оценка Суда

1. Относительно предмета заявления

48. Прежде всего, Суд отмечает, что фотографии заявителя с ее детьми уже не являются предметом этого заявления, что Суд уже подчеркнул в решении о приемлемости от 8 июля 2003 года.

Это также касается фотографий, опубликованных в журнале «Фрайцайт Ревю» (от 22 июля 1993 года, № 30), на которых заявитель изображена с Венсаном Линдоном в дальнем уголке внутреннего двора ресторана в Реми-де-Прованс (см. § 11 выше). В своем решении от 19 декабря 1995 года Федеральный Верховный суд запретил дальнейшую публикацию этих фотографий на том основании, что они нарушают право заявителя на уважение ее частной жизни (см. § 23 выше).

49. Соответственно, Суд считает необходимым уточнить, что заявление, которое рассматривается, касается последующих фотографий, опубликованных в ряде статей о заявителе:

(i) фотографий, опубликованных в журнале «Бунте» (выпуск от 5 августа 1993 года, № 32), на которой заявитель изображена верхом на лошади (см. § 12 выше);

(ii) фотографий, опубликованных в журнале «Бунте» (выпуск от 19 августа 1993 года, № 34), на которых заявитель одна делает покупки, находится с Венсаном Линдоном в ресторане, изображена одна на велосипеде и на рынке в сопровождении охранника (см. § 13 выше);

(iii) фотографий, опубликованных в журнале «Бунте» (выпуск от 27 февраля 1997 года, № 10), на которых заявитель изображена во время отдыха на горнолыжном курорте в Австрии (см. § 14 выше);

(iv) фотографий, опубликованных в журнале «Бунте» (выпуск от 13 марта 1997 года, № 12), на которых заявитель изображена с князем Эрнстом Августом Ганноверским и одна, когда выходит из своего дома в Париже (см. § 15 выше);

(v) фотографий, опубликованных в журнале «Бунте» (выпуск от 10 апреля 1997 года, № 16), на которых заявитель играет с князем Эрнстом Августом Ганноверским в теннис и где они оба слезают с велосипедов (см. § 16 выше);

(vi) фотографий, опубликованных в журнале «Нойе Пост» (выпуск № 35/97), на которых заявитель спотыкается о препятствие в клубе "Beach Club" в Монте-Карло (см. § 17 выше).

2. Применение статьи 8

50. Европейский Суд напоминает, что понятие частной жизни содержит в себе элементы, которые связаны с персональными данными о лице, например, с именем лица (см. *Burghartz v. Switzerland*, judgment of 22 February 1994, Series A no. 280-B, p. 28, § 24) и изображением лица (see *Schüssel v. Austria* (dec.), no. 42409/98, 21 February 2002).

Кроме того, сфера частной жизни, по мнению Суда, охватывает физическую и психологическую неприкосновенность личности; гарантия, предоставляемая статьей 8 Конвенции, в первую очередь, направлена на обеспечение развития, без внешнего вмешательства, личности каждого человека в ее отношениях с другими людьми (см., *mutatis mutandis*, *Niemietz v. Germany*, judgment of 16 December 1992, Series A no. 251-B, pp. 33-34, § 29, и *Botta v. Italy*, judgment of 24 February 1998, *Reports of Judgments and Decisions* 1998-I, p. 422, § 32). Таким образом, есть область взаимодействия человека с другими людьми, которая, даже в публичном контексте, может попадать в сферу «частной жизни» (см., *mutatis mutandis*, *P.G. and J.H. v. the United Kingdom*, no. 44787/98, § 56, ECHR 2001-IX, и *Peck v. the United Kingdom*, no. 44647/98, § 57, ECHR 2003-I).

51. Суд также отметил, что при определенных обстоятельствах человек «правомерно ожидает» защиты и уважения его частной жизни. Соответственно, в деле о прослушивании телефонных разговоров в служебных помещениях Суд постановил, что у заявителя «существовало правомерное ожидание частного характера таких разговоров» (см. *Halford v. the United Kingdom*, judgment of 25 June 1997, *Reports* 1997-III, p. 1016, § 45).

52. Что касается фотографий, то в целях определения сферы применения гарантий защиты от своевольного вмешательства органов государственной власти согласно статье 8 Конвенции, Европейская комиссия по правам человека принимала во внимание, относятся ли фотографии к частной или к публичной сфере и предусматривается ли ограниченное использование полученных таким образом материалов либо они, вероятно, станут доступны неограниченному кругу лиц (см., *mutatis mutandis*, *Friedl v. Austria*, judgment of 31 January 1995, Series A no. 305-B, opinion of the Commission, p. 21, §§ 49-52; *P.G. and J.H. v. the United Kingdom*, cited above, § 58; и *Peck*, cited above, § 61).

53. В данном деле не вызывает сомнений то, что публикация разными немецкими журналами фотографий повседневной жизни заявителя, одной или с другими людьми, затрагивает сферу ее частной жизни.

3. Соответствие статье 8

(a) Позиция национальных судов

54. Европейский Суд отмечает, что в поворотном решении от 15 декабря 1999 года Федеральный Конституционный Суд растолковал

статьи 22 и 23 Закона об авторском праве (см. §§ 40-41 выше) с учетом обеспечения баланса между требованиями свободы прессы и требованиями защиты частной жизни, то есть между общественным интересом в получении информации и правомерными интересами заявителя. При этом Федеральный Конституционный Суд учел два критерия, предусмотренных законодательством Германии, – функциональный и пространственный. Он признал, что заявитель, как «выдающаяся фигура современности», имеет право на защиту частной жизни даже вне своего дома, но только при пребывании в уединенном месте подальше от внимания общественности, где люди уединяются «с объективно очевидным намерением побыть в одиночестве, и где, будучи уверенными в том, что они находятся наедине, ведут себя не так как вели бы себя на публике». В свете этих критериев Федеральный Конституционный Суд Германии постановил, что решение Федерального Верховного Суда от 19 декабря 1995 года относительно публикации указанных выше фотографий отвечает Основному закону Германии. Федеральный Конституционный Суд придал решающее значение свободе прессы, даже развлекательной прессы, и общественному интересу в получении информации о том, как заявитель ведет себя не при выполнении ее представительных функций (см. § 25 выше).

55. Ссылаясь на свое поворотное решение, Федеральный Конституционный Суд не принял к рассмотрению представленные заявителем жалобы в дальнейших начатых ею производствах (см. §§ 32 и 38 выше).

(b) Общие принципы, регулирующие защиту частной жизни и свободу выражения взглядов

56. В данном деле заявитель жаловалась не на действия государства, а скорее на отсутствие достаточной защиты со стороны государства ее частной жизни и своего собственного имиджа.

57. Европейский Суд напоминает, что хотя целью статьи 8 Конвенции является по существу защита человека от своевольного вмешательства органов государственной власти, она не только вынуждает государство воздерживаться от такого вмешательства: кроме этого основного негативного обязательства у государства могут возникать позитивные обязательства, необходимые для эффективного обеспечения уважения частной или семейной жизни. Такие обязательства могут включать применение мер, направленных на обеспечение уважения частной жизни даже в сфере отношений лиц между собой (см., *mutatis mutandis*, *X and Y v. the Netherlands*, judgment of 26 March 1985, Series A no. 91, p. 11, § 23; *Stjerna v. Finland*, judgment of 25 November 1994, Series A no. 299-B, pp. 60-61, § 38; и *Verliere v. Switzerland* (dec.), no. 41953/98, ECHR 2001-VII). Это также

касается защиты изображения лица от злоупотреблений со стороны других лиц (см. *Schüssel*, cited above).

Невозможно точно определить границу между соответствующими позитивными и негативными обязательствами государства. Применяемые принципы, тем не менее, схожи. В обоих случаях нужно учитывать тот справедливый баланс, который необходимо установить между конкурирующими интересами лица и общества в целом, и в обоих случаях государство имеет определенные границы усмотрения (см., среди многочисленных других источников, *Keegan v. Ireland*, judgment of 26 May 1994, Series A no. 290, p. 19, § 49, and *Botta*, cited above, p. 427, § 33).

58. Баланс между защитой частной жизни и свободой выражения гарантируется статьей 10 Конвенции.

В связи с этим Суд напоминает, что свобода выражения является одним из основных принципов демократического общества. В соответствии со статьей 10 § 2 такая свобода распространяется не только на «информацию» или «идеи», которые воспринимаются одобрительно или считаются безобидными или нейтральными, но и на такие, что обижают, шокируют или приводят в негодование. Такими являются требования плюрализма, терпимости и либерализма, без которых невозможно «демократическое общество» (см. *Handyside v. the United Kingdom*, judgment of 7 December 1976, Series A no. 24, p. 23, § 49).

Таким образом, пресса играет существенную роль в демократическом обществе. Хотя пресса не должна переступать определенные границы, в частности, относительно репутации и прав других лиц, она, тем не менее, обязана доносить информацию и идеи по всем вопросам, которые представляют интерес для общества, способами, не противоречащими ее обязанностям и ответственности (см., среди других источников, *Observer and Guardian v. the United Kingdom*, judgment of 26 November 1991, Series A no. 216, pp. 29-30, § 59, и *Bladet Tromsø and Stensaas v. Norway* [GC], no. 21980/93, § 59, ECHR 1999-III). Журналистская свобода также предусматривает возможность обратиться к определенному преувеличению или даже провокации (см. *Prager and Oberschlick v. Austria*, judgment of 26 April 1995, Series A no. 313, p. 19, § 38; *Tammer v. Estonia*, no. 41205/98, §§ 59-63, ECHR 2001-I; and *Prisma Presse v. France* (dec.), nos. 66910/01 and 71612/01, 1 July 2003).

59. Хотя свобода выражения также распространяется на публикацию фотографий, в этой области защита прав и репутации других лиц приобретает особую важность. В данном деле распространялись не «идеи», а изображения, которые содержали очень личную и даже интимную «информацию» о человеке. Более того, фотографии, которые появляются в бульварной прессе, часто делаются

в атмосфере постоянной назойливости, которое вызывает у заинтересованных лиц постоянное ощущение прямого вмешательства в их личную жизнь или даже преследования.

60. В делах, при рассмотрении которых Суду приходилось искать баланс между защитой частной жизни и свободой выражения взглядов, Суд всегда подчеркивал вклад, который фотографии или статьи в прессе вносят в обсуждение вопросов, которые представляют общий интерес (см., недавнее *Tammer*, cited above, §§ 59 et seq.; *News Verlags GmbH & Co. KG v. Austria*, no. 31457/96, §§ 52 et seq., ECHR 2000-I; and *Krone Verlag GmbH & Co. KG v. Austria*, no. 34315/96, §§ 33 et seq., 26 February 2002). В одном из дел Суд пришел к выводу, что использование определенных высказываний относительно частной жизни лица не было «оправдано соображениями общественного интереса» и что такие высказывания не «[имели отношения] к вопросам общественного значения» (see *Tammer*, cited above, § 68) и постановил, что нарушения статьи 10 Конвенции не было. Однако, в другом деле Европейский Суд придал особое значение тому обстоятельству, что предметом рассмотрения было информационное сообщение, которое представляло «большой общественный интерес», и что опубликованные фотографии «не раскрывали подробностей частной жизни» человека (см. *Krone Verlag GmbH & Co. KG*, cited above, § 37), и постановил, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции. Аналогично, в недавнем деле о публикации бывшим личным врачом президента Миттерера книги с данными о состоянии здоровья президента Суд отметил, что «чем больше проходит времени, тем больший интерес общественности к обсуждению истории двух сроков пребывания на должности президента Миттерера превалирует над требованиями защиты прав президента относительно конфиденциальности медицинских данных» (см. (see *Editions Plon v. France*, no. 58148/00, § 53, ECHR 2004-IV), и постановил, что была нарушена статья 10 Конвенции.

(с) Применение указанных общих принципов Европейским Судом

61. Европейский Суд прежде всего отмечает, что в этом деле фотографии заявителя в разных немецких журналах изображают сцены ее повседневной жизни, таким образом касаются событий сугубо личного характера, когда она занималась спортом, была на прогулке, выходила из ресторана или находилась на отдыхе. Фотографии, на которых заявитель изображена то в одиночестве, то в чьем-то сопровождении, иллюстрируют серию статей под такими невинными заголовками, как «Простое счастье», «Каролина... женщина возвращается к жизни», «В Париже с принцессой Каролиной» и «Поцелуй или Они больше не прячутся» (см. §§ 11-17 выше).

62. Суд также отмечает, что заявитель как член семьи князя Монако представляет правящую семью на некоторых культурных и

благотворительных мероприятиях. Однако, она не выполняет никаких официальных функций в государстве Монако или от лица государства Монако или ее органов (см. § 8 выше).

63. Однако, Суд считает, что необходимо установить основные отличия между сообщением, которое основывается на фактах, – даже противоречивых, – что способно стать толчком к дискуссии в демократическом обществе, например, когда речь идет о политических деятелях, которые выполняют свои официальные функции, и, с другой стороны, между сообщением о подробностях частной жизни лица, которое, более того, как в этом деле, не выполняет таких официальных функций. Если в первом случае пресса выполняет присущую ей роль «сторожевого пса» в демократическом обществе, делая свой вклад в «предоставление информации и идей, представляющих общественный интерес» (см. *Observer and Guardian*, loc. cit.), то во втором случае пресса такой роли не выполняет.

64. Подобным образом, хотя общественность имеет право на получение информации, что является неотъемлемым правом в демократическом обществе и при определенных обстоятельствах может распространяться даже на отдельные аспекты частной жизни публичных лиц, в частности политических деятелей (см. *Editions Plon*, loc. cit.), это не относится к данному делу. Ситуация, которая рассматривается в этом деле, не принадлежит к сфере политического или публичного обсуждения, поскольку опубликованные фотографии и сопроводительные комментарии касаются исключительно подробностей частной жизни заявителя.

65. Как и в похожих делах, им рассмотренных, Суд считает, что публикация этих фотографий и статей, единой целью которых было удовлетворение любопытства определенного круга читателей к подробностям частной жизни заявителя, не может считаться вкладом в обсуждение вопросов общественного значения, несмотря на то, что заявитель широко известна общественности (см., *mutatis mutandis*, *Campmany y Diez de Revenga and Lopez Galiacho Perona v. Spain* (dec.), no. 54224/00, ECHR 2000-XII; *Julio Bou Gibert and El Hogar Y La Moda J.A. v. Spain* (dec.), no. 14929/02, 13 May 2003; and *Prisma Presse*, cited above).

66. При таких условиях свободу выражения нужно подвергать более узкому толкованию (см. *Prisma Presse*, cited above, and, by converse implication, *Krone Verlag GmbH & Co. KG*, cited above, § 37).

67. В связи с этим Европейский Суд также принимает во внимание Резолюцию Парламентской Ассамблеи Совета Европы о праве на неприкосновенность частной жизни, в которой подчеркивается «однобокое толкованием права на свободу выражения» определенными средствами массовой информации, которые стараются оправдать нарушение прав, защищаемых статьей 8 Конвенции, заявляя, что «их

читатели имеют право знать все о публичных лицах» (см. § 42 выше и *Prisma Presse*, цит. выше).

68. Суд считает также важным то, что хотя в данном заявлении, строго говоря, речь идет лишь об опубликовании фотографий и статей в различных немецких журналах, нельзя не учитывать те обстоятельства, при которых были сделаны эти фотографии, – без ведома и без согласия заявителя, а также ту назойливость, с которой сталкиваются многие публичные лица в своей повседневной жизни (см. § 59 выше).

В данном деле это замечание особенно выразительно иллюстрируется фотографиями, на которых заявитель спотыкается и падает в клубе «Beach Club» Монте-Карло (см. § 17 выше). Создается впечатление, что эти фотографии были сделаны тайком с расстояния в несколько сотен метров, возможно, из соседнего дома, поскольку доступ журналистов и фотографов в клуб строго регламентируется (см. § 33 выше).

69. Суд напоминает основополагающее значение защиты частной жизни с точки зрения развития личности каждого человека. Такая защита, как отмечалось выше, распространяется за пределы частного семейного круга и включает также социальный аспект. Суд считает, что любое лицо, даже хорошо известное общественности, должно иметь возможность «правомерного ожидания» защиты и уважения своей частной жизни (см. § 51 выше и, *mutatis mutandis*, *Halford*, cited above, p. 1016, § 45).

70. Более того, в защите частной жизни необходимо повышенное внимание, чтобы противостоять новым коммуникационным технологиям, которые позволяют сохранять и воссоздавать личные данные (см. пункт 5 Резолюции Парламентской Ассамблеи Совета Европы о праве на неприкосновенность частной жизни, § 42 выше, и, *mutatis mutandis*, *Amann v. Switzerland* [GC], no. 27798/95, §§ 65-67, ECHR 2000-II; *Rotaru v. Romania* [GC], no. 28341/95, §§ 43-44, ECHR 2000-V; *P.G. and J.H. v. the United Kingdom*, цит. выше, §§ 57-60; и *Peck*, cited above, §§ 59-63 и 78). Это также касается систематической съемки специфического типа фотографий и их распространения среди широкой общественности.

71. Напоследок Суд напоминает, что Конвенция призвана гарантировать не теоретические или иллюзорные, а практические и эффективные права (см. *Artico v. Italy*, judgment of 13 May 1980, Series A no. 37, pp. 15-16, § 33).

72. Суду трудно согласиться с толкованием национальными судами части 1 статьи 23 Закона об авторском праве, которое состоит в признании человека как такового выдающейся фигурой современности. Поскольку такое определение предоставляет лицу очень ограниченную защиту его частной жизни и его права на

контроль использования собственного изображения, оно, вероятно, могло бы считаться подходящим для политических деятелей, которые выполняют официальные функции. Однако, использование такого толкования относительно «частного» лица, такого, как заявитель, интерес общественности и прессы к которой базируется исключительно на ее принадлежности к правящей семье, тогда как сама она не выполняет каких-то официальных функций, не оправданно.

Во всяком случае, Суд считает, что в данном случае Закон об авторском праве необходимо толковать в узком смысле, чтобы обеспечить выполнение государством его позитивных обязательств по Конвенции ради защиты частной жизни и права лица на контроль использования собственного изображения.

73. В конце концов, отличие, установленное между выдающимися фигурами современности и «относительно» публичными лицами, должно быть четким и очевидным, чтобы в государстве, в котором соблюдается принцип верховенства права, конкретное лицо имело конкретные указания относительно того, как ему нужно вести себя. Прежде всего, такие лица должны точно знать, где и когда они защищены, а где и когда, наоборот, им нужно ждать вмешательства других лиц, особенно бульварной прессы.

74. Таким образом, Суд считает критерии, которые положены в основу решений национальных судов, недостаточными для эффективной защиты частной жизни заявителя. Как выдающаяся фигура современности она не может, во имя свободы прессы и общественного интереса, полагаться на защиту своей частной жизни, если только не находится в уединенном месте подальше от внимания общественности и, более того, сможет это доказать, что может оказаться довольно сложным. В ином случае ей придется мириться с тем, что ее в любой момент могут фотографировать и эти фотографии могут потом широко распространяться, даже если, как в этом деле, фотографии и сопроводительные статьи касаются исключительно подробностей ее частной жизни.

75. По мнению Суда, критерий пространственной изоляции, теоретически вроде бы удачный, на самом деле является весьма размытым и едва ли может быть заранее определен заинтересованным лицом. В данном деле отнесение заявителя к выдающимся фигурам современности не является достаточным для оправдания подобного вмешательства в ее частную жизнь.

(d) Вывод

76. Как уже отмечал Суд, он считает, что решающим фактором определения баланса между защитой частной жизни и свободой выражения является то, что опубликованные статьи или фотографии привносят в дискуссию, которая представляет общий интерес. Ясно, что в данном случае они ничего такого не

привносят, поскольку заявительница не выполняет никаких официальных функций и фотографии и статьи касаются исключительно подробностей ее частной жизни.

77. Более того, Суд считает, что общественность не имеет законного права знать, где находится заявительница и как она вообще ведет себя в своей частной жизни, даже если она появляется в местах, которые не всегда можно описать как уединенные или безлюдные, и, несмотря на то, что она хорошо известна общественности.

Даже если существует какой-либо публичный интерес, как, например, коммерческий интерес журналов в обнародовании этих фотографий и статей, в данном случае, по мнению Суда, такие интересы должны быть подчинены праву заявительницы на эффективную защиту ее частной жизни.

78. В конце концов, по мнению Суда, критерии, примененные национальными судами, были недостаточны для обеспечения права на уважение частной жизни заявительницы, которая имела все основания для «законного ожидания» защиты ее частной жизни.

79. Учитывая все указанные выше факторы и несмотря на предоставленную государству свободу усмотрения в этой сфере, Суд считает, что немецкие суды не смогли обеспечить справедливое равновесие между противоположными интересами.

80. Таким образом, статья 8 Конвенции была нарушена.

81. Принимая во внимание этот вывод, Суд не считает необходимым постановлять решение по жалобе заявительницы относительно ее права на уважение ее семейной жизни.

II. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

82. Статья 41 Конвенции устанавливает:

"Если Суд признает факт нарушения Конвенции или Протоколов к ней и если внутреннее право соответствующей Высокой Договорной Стороны предусматривает лишь частичное возмещение, Суд, в случае необходимости, предоставляет потерпевшей стороне справедливую сатисфакцию".

83. Заявительница требовала 50000 евро в возмещение морального вреда на том основании, что решение немецких судов не дают ей с детьми жить нормальной жизнью без преследования со стороны средств массовой информации. Она также требовала 142851,31 евро в возмещение судебных издержек и расходов, понесенных в связи с многочисленными судебными производствами, которые ей пришлось инициировать в немецких судах.

84. Правительство не согласилось с заявленным размером компенсации. Относительно морального вреда правительство напомнило, что согласно законам Германии частная жизнь

заявительницы защищалась даже вне ее дома, особенно когда речь шла о ее детях. Относительно судебных издержек и расходов Правительство заявило, что не все судебные процессы нужно принимать во внимание, что стоимость отдельных элементов предмета судебных разбирательств меньше запрашиваемой суммы и что сумма, выплаченная в качестве вознаграждения адвокатам, учитывая ее размер, не может быть компенсирована.

85. Суд считает, что вопрос о применении статьи 41 не готов для постановления решения. Соответственно, этот вопрос должен быть отложен, а в дальнейших процедурах будет принята во внимание любая возможная договоренность между Правительством и заявительницей.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Постановляет*, что была нарушена статья 8 Конвенции;
2. *Постановляет*, что вопрос применения статьи 41 не готов для вынесения решения по нему, и, соответственно,
 - (a) *откладывает* постановление решения по этому вопросу в целом;
 - (b) *предлагает* Правительству и заявительнице представить на протяжении шести месяцев после вступления решения в законную силу согласно пункту 2 статьи 44 Конвенции свои письменные доводы по этому вопросу и, в частности, проинформировать Европейский Суд о любой достигнутой ими договоренности;
 - (c) *откладывает* проведение дальнейшего рассмотрения дела и *передает* Председателю Палаты право назначить его в случае необходимости.

Составлено на французском языке и провозглашено на открытом заседании во Дворце прав человека в Страсбурге 24 июня 2004 года.

Венсан Берже,
Секретарь Суда

Иренеу Кабрал Барreto,
Председатель Суда

В соответствии со статьей 45 § 2 Конвенции и правилом 74 § 2 Регламента Суда к решению приложены:

- (a) совпадающее мнение г-на Cabral Barreto;
- (b) отдельное мнение г-на Zupančič.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ CABRAL BARRETO

Я придерживаюсь мнения, что статья 8 Конвенции была нарушена, но я не могу в полной мере согласиться с аргументами, на которые ссылалось большинство.

1. Мои коллеги в своих выводах отмечают, что «решающим фактором определения баланса между защитой частной жизни и свободой выражения является то, что опубликованные статьи или фотографии приносят в дискуссию, которая представляет общий интерес» и что «общественность не имеет законного права знать, где находится заявительница и как она вообще ведет себя в своей частной жизни, даже если она появляется в местах, которые не всегда можно описать как уединенные или безлюдные, и, несмотря на то, что она хорошо известна общественности».

С точки зрения большинства, публикация рассмотренных фотографий и статей не имела большого значения в обсуждении вопроса, который представлял общий интерес, поскольку заявительница не выполняла официальных функций, а опубликованные фотографии и сопроводительные комментарии касались исключительно подробностей ее частной жизни.

Однако, по моему мнению, заявительница является публичным лицом, и общественность имеет право получать информацию о ее жизни.

Таким образом, решение нужно искать в определении справедливого баланса между правом заявительницы на частную жизнь и правом общественности на получение информации.

2. Заявительница является публичным лицом, даже если она не выполняет никаких функций в государстве Монако или от лица этого государства или любых ее институтов.

«Публичными фигурами являются те лица, которые занимают государственную должность и (или) пользуются государственными ресурсами, а также все те, кто играет определенную роль в общественной жизни, будь то в области политики, экономики, искусства, социальной сфере, спорте или в любой иной области» – так говорит п. 7 Резолюции 1165 (1998) ПАСЕ о праве на неприкосновенность частной жизни (см. § 42 решения Суда).

Хорошо известно, что на протяжении многих лет заявитель играет определенную роль в европейской публичной жизни, несмотря на то, что не выполняет каких-либо официальных функций в собственной стране.

Чтобы оценить степень интереса общественности к ее персоне, достаточно посмотреть на объемы сообщений в средствах массовой информации об общественной и частной жизни заявительницы.

Совсем недавно пресса привлекла внимание к тому факту, что, прибыв на церемонию бракосочетания наследного принца Испании

Фелипе, заявительница оказалась среди тех представителей европейской и мировой элиты, которых публика поздравляла больше всех.

По моему мнению, заявительница является публичным лицом, и потому информация о ее жизни играет роль в обсуждении вопросов, представляющих общий интерес.

Общий интерес не следует ограничивать политическими дебатами. Как отметила ПАСЕ, «определенные факты из частной жизни публичных, и, в частности, политических деятелей, конечно же, могут представлять интерес для граждан».

Если это верно в отношении политических деятелей, то верно и в отношении всех других публичных лиц, которые интересуют общественность.

Таким образом, нужно найти равновесие между двумя основными правами: публичных лиц на уважение их частной жизни и общим правом на свободу выражения, которое включает в себя право общественности на получение информации. Я согласен с большинством, что частная жизнь публичных лиц продолжается и вне их дома.

Однако, нужно признать, что жизнь публичного лица вне дома, особенно в общественных местах, неизбежно подвергается тем или иным ограничениям вследствие того, что это лицо хорошо известно другим людям.

Популярность и интерес публики неизбежно вызывают различное отношение к частной жизни обычных людей, с одной стороны, и публичных лиц, с другой стороны.

Как отметил Федеральный Конституционный Суд, «общественность имеет правомерный интерес получить возможность судить, в какой мере и насколько частное поведение лиц, которых часто считают кумирами или примерами для подражания, убедительно соответствует их же поведению на официальных мероприятиях».

Очевидно, что определение пределов частной жизни публичного лица отнюдь не является простой задачей.

Более того, применение какого-то жесткого критерия в данном вопросе может привести к решениям, которые не согласовываются с «природой вещей».

Бесспорно, если какое-то лицо находится в уединенном месте, то все, что там происходит, должно подпадать под защиту частной жизни.

Впрочем, мне кажется, что критерий пространственной изоляции, который применили немецкие суды, имеет чрезмерно ограничительный характер.

По моему мнению, в том случае, когда у публичного лица есть «правомерное ожидание» защиты от средств массовой информации,

его право на частную жизнь превалирует над правом на свободу выражения взглядов и правом на получение информации.

Определить в конкретных сроках ситуации, которые отвечают таким «правомерным ожиданиям», всегда будет сложно; поэтому необходимо тщательно анализировать обстоятельства каждого конкретного дела.

Такой казуистический подход также может стать причиной расхождения в мнениях.

Например, большинство придает значение тому факту, что фотографии в пляжном клубе Монте-Карло были сделаны тайком.

Я не отрицаю необходимость учитывать тот факт, что фотографии были сделаны с большого расстояния, особенно если лицо находилось там, где имело основания рассчитывать на защиту от внимания общественности.

Однако, плавательный бассейн пляжного клуба является общественным местом, он доступен широкому кругу посетителей и, кроме того, хорошо просматривается из соседних зданий.

Можно ли всерьез ожидать уединения и отсутствия внимания средств массовой информации в таком месте?

Я так не думаю.

Я считаю, что этот самый критерий применим и к фотографиям, где представлены другие эпизоды повседневной жизни заявительницы при обстоятельствах, когда она никак не могла рассчитывать на то, что ее частная жизнь будет защищена.

Я имею в виду ее фотографии, когда она делала покупки.

Однако, другие фотографии (например, где заявительница изображена верхом на лошади или играет в теннис) сделаны в таких местах и при таких обстоятельствах, которые требуют иного, противоположного подхода.

Поэтому, осознавая все ограничения такого анализа (и в этом контексте я ссылаюсь на мнение судьи Zupančič), я пришел к выводу относительно нарушения статьи 8 Конвенции.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ZUPANČIČ

Я разделяю те же сомнения, которые высказал мой коллега, судья Cabral Barreto. Несмотря на то, что я считаю определенные в немецкой правовой системе отличия между разными уровнями допустимой открытости весьма позитивистскими, я, тем не менее, полагаю баланс между, с одной стороны, правом общественности знать и, с другой стороны, правом лица на уважение его частной жизни может быть найден. Тот, кто по собственному желанию выходит на публичную сцену, не может требовать отношения к себе как к частному лицу, имеющему право на анонимность. Члены королевских семей, актеры, ученые, политики и другие подобные лица осуществляют свою

деятельность публично. Они могут не стремиться к популярности, но все равно их изображения, по определению, в определенной мере представляют общественную собственность.

Сейчас я хочу сосредоточиться не столько на праве общественности знать (оно применяется главным образом к вопросу свободы прессы и связанной с ним конституционной доктрины), сколько на том простом факте, что разделить частную жизнь человека и его поведение на публике железным занавесом не представляется возможным. Полное инкогнито доступно одному лишь Робинзону; все остальные, без исключения, привлекают внимание других людей, в большей или меньшей мере.

С другой стороны, неприкосновенность частной жизни – это право на то, чтобы человека оставили в покое. Человек владеет таким правом исключительно в той мере, в которой его частная жизнь не сталкивается с частной жизнью других лиц. Такие правовые понятия, как клевета, диффамация, обида достоинства человека и т.д. по своему подтверждают наличие этого права и границы вмешательства в частную жизнь. Немецкая частноправовая доктрина личности очерчивает более широкий круг аспектов частной жизни, которые находятся под защитой. Более того, я нахожу, что суды, в определенной мере и не без влияния американского права, превратили свободу прессы в фетиш. Указанная немецкая частноправовая доктрина личности предоставляет более высокий уровень цивилизованных межличностных взаимоотношений.

Сейчас настало время найти новое равновесие между тем, что является личным и скрытым, с одной стороны, и, с другой стороны, тем, что является общественным и открытым.

Итак, вопрос заключается в том, как определить и установить точку этого равновесия. Я согласен с результатом рассмотрения данного дела. Однако, я хотел бы предложить другой определяющий критерий, а именно тот, который был использован в деле *Halford v. the United Kingdom* (judgment of 25 June 1997, *Reports of Judgments and Decisions* 1997-III), где речь идет о «правомерном ожидании неприкосновенности частной жизни».

Контекст уголовного производства и использования доказательств, полученных с нарушением правомерного ожидания неприкосновенности частной жизни в деле *Halford v. the United Kingdom*, не препятствуют нам применять тот же критерий в делах, подобных тому, которое только что нами рассматривалось. Таким образом, перед нами больше не возникает дилемма, следует ли считать заявителя публичным лицом; предлагаемый критерий правомерности ожидания неприкосновенности частной жизни предоставляет возможность учитывать все нюансы каждого нового дела. Возможно, именно об этом говорит судья Cabral Barreto, ссылаясь на развитие

юриспруденции в части определения баланса между правом общественности на получение информации и правом частного лица оградить собственную личную сферу от внимания других лиц.

Понятно, здесь нужно избегать аргументов, которые создают замкнутый круг. «Обоснованность» ожидания неприкосновенности частной жизни может быть сведено к указанному выше поиску равновесия. Но обоснованность отсылает к информированному здравому смыслу, который подсказывает, что живущий в стеклянном доме может быть не вправе бросаться камнями.